

АНАНДА – ОТ ВЕД К УПАНИШАДАМ

О. В. Перзашкевич

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь; minskhist@gmail.com*

Ригведа считается началом для многих индийских реалий. Не является исключением и такое существенное понятие традиционной индийской мысли как Ananda (играющее особую роль в различных школах Веданты в рамках конструкции sat-cit-Ananda – триединого описания Брахмана). Именно Ananda в Ригведе и его понимание в Мундака-упанишаде и посвящена настоящая работа. Для решения поставленной задачи автор использует не только собственно оригинальные тексты памятников, но также и классические индийские комментарии Венкаты, Саяны и Шанкары. Основной вывод: применительно к Ananda, можно, очевидно, говорить, во-первых, о преемственности частного случая применения ригведийского ритуала в отношении процедуры и содержания механизма «присоединения» участника действия к космическому процессу бытия; во-вторых, определить Ananda как признак этого присоединения и в ранний период традиции (Ригведа), и в период становления веданты (Мундака-упанишада).

Ключевые слова: Ananda; Ригведа; упанишады; жертвоприношение; жречество; сома; ритуал.

ANANDA - FROM THE VED TO THE UPANISHADS

O. V. Perzashkevich

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; minskhist@gmail.com

For a great number of Indian realities the Rigveda forms that beginning. Such an essential concept of traditional Indian thinking as Ananda (playing a special role at various schools of Vedanta within the construction of sat-cit-Ananda – the triune description of Brahman) makes, in our opinion, no exception. Therefore, the present paper is about Ananda in Rigveda. For this purpose, the author uses not only the very original text of the monument, but also comments of the Indian authorities – Venkata, Sayana and Shankara. The main conclusion is that one can consider Ananda as an evidence for continuity of the essence and the procedure of affiliation of the ritual participant to the cosmic existence. In addition, Ananda has been preserving itself as an essential component of sacrifice (i.e. soma), namely a special substance generated with soma, which had established the required connection between gods and priests during the sacrifice action.

Key words: Ananda; Rigveda; Upanishads; sacrifice; priests; soma; ritual.

Процессы формирования и закрепления тех или иных реалий в истории человечества традиционно привлекают внимание исследователей разных областей знания. Особый интерес вызывают такие из них, которые происходят из древности – из того далекого прошлого, которое сохранилось для нас в качестве условного начала отсчета. Это начало мы можем определить, во-первых, как нам известное и во времени, и в пространстве, во-вторых, как существовавшее, а не предполагаемое или реконструируемое.

Для очень многих индийских реалий таковым началом является Ригведа. Не является исключением, на наш взгляд, и такое существенное для традиционного индийского мышления понятие, как Ananda, играющее особую роль в различных школах Веданты в рамках sat-cit-Ananda – триединого описания Брахмана. Именно о рассмотрении Ananda в Ригведе и пойдет речь в настоящем случае.

Как известно большинству исследователей, по крайней мере, со времен Г. Грассмана, Ananda в Ригведе встречается всего дважды, причем в одном гимне – RV IX 113,6+11 [1, p.178]. К этому следует добавить еще три фрагмента, содержащий однокоренные Ananda слова (т. е. с корнем pand-): nAndi (2 раза: в RV I 34,4 и RV I 145,4) [1, p.722] и nandanti (1 раз в RV X 71,10) [1, p.707]. При этом значение Ananda традиционно определяется как «радость, наслаждение, блаженство» [см., например, 2, p.126].

Сами эти немногочисленные свидетельства и отсутствие принципиальных расхождений в их понимании, как правило, считались исследователям очевидным аргументом для того, чтобы не рассматривать Ananda в Ригведе как самостоятельный объект исследования. Поэтому эти упоминания включались в более широкую

совокупность – весь корпус ведийской литературы. Именно так, например, поступил выдающийся голландский исследователь ведийских и древнеиндийских реалий Я. Гонда, посвятивший определению значения корня *pand-* в Ведах специальную работу [3]. Высказанные там соображения мы принимаем за исходное положение дел.

Итак:

1. Корень *pand-* в Ведах следует понимать не только как «радоваться», но и как «освежаться, укрепляться, прежде всего, благословением и восхвалением». Причем второй вариант Я. Гонда считал исходным значением [3, p.311-312];
2. Собственно понятие *Ananda* традиционно понимается как «радость, удовольствие, счастье», причем основным (и, вероятно, исходным) было последнее – «счастье» [3, p. 318–319];
3. Этимологически *pand-*, возможно, происходит от тамил. *pantu*, «процветать, цвести, изобилывать, гордиться, излучать гордость или блеск» [3, p. 319].

Прежде чем перейти к изложению собственного видения ригведийского *Ananda*, имеет смысл отметить, что сам автор идеи происхождения *pand-* от тамил. *pantu* – Т. Барроу [4, p. 9] – со временем отказался от этой идеи, вернувшись к индоевропейскому варианту **pondl-* [5, p. 67], что, вероятно, отсылает нас к **neid-* со значением «снимать, ругать, порицать» [6, p. 760], или к **nant-* со значением «решаться, осмеливаться» [6, p. 755]. В обоих случаях, следует, видимо, согласиться с М. Майрхофером, что надежной этимологии как не было 50 лет назад [7, B.2, S. 131–132], так нет и сегодня [8, B.2, S. 10–11].

Что касается связи *pand-* с тамил. *pantu*, то, здесь, вероятно, речь должна идти не о заимствовании из тамильского, а, скорее, о влиянии ведийского на этот самый тамильский.

Итак, вернемся к рассмотрению *Ananda* и однокоренных ему слов в Ригведе. Как уже говорилось, таких мест всего пять. Исходя из того, что ни одно из них не относится в фамильным мандалам, корень *pand-* и его производные не были существенными для семей, создававших фамильные мандалы.

RV IX 113,6+11 (mArIcaH kazyapa RSiH)

yatra brahmA pavamAna chandasyAM vAcaM vadan |

grAvNA some mahIyate somenAnandaM janayann indrAyendo pari srava||

yatrAnandAz ca modAz ca mudaH pramuda Asate |

kAmasya yatrAptAH kAmAs tatra mAm amRtaM kRdhIndrAyendo pari srava||

Где брахман, очищаясь, метрическую речь произносит, камнями там, из Сомы величественнейшего, сомы блаженство рождается, для Индры капель поток. Где блаженства и удовольствия, и наслаждение, услада садятся; страстью где достигнуты желания, там меня бессмертным сделай, для Индры, о капля, кругом растекайся.

Отрывки соотносят *Ananda* с *srava* («поток»), *modA* («удовольствиями»), *muda* («наслаждением»), *pramuda* («усладой»), *kAmA* («желаниями») и связывают с действиями *jan-* («рождаться»), *sad-* («садиться»), а также с *brahman* («брахманом»), *soma* («сомой»), *inda* («каплей»), *amRta* («бессмертием»), субъектом описываемого процесса является *kAma* («страсть»), объектами – *aham* (обращающийся) и *indra*.

Саяна поясняет значение *Ananda* в этих случаях как удовлетворение, конкретная форма достижения блаженства: *AnandaM saMtoSaM*; *yatra yasmiMloke AnandAdayaH* [9, v.4, p.267-269]. Венката указывает, что *Ananda* является ожидаемым результатом подношения сомы богам – пищей высшего качества: *pUjyate somena devAnAM AnandaM janayat | tatra indrAya indo | pari srava;AnandAdInaM sUksmo bhedaH* [10, v.11, p. 4054–4055].

Для наглядности, представим полученные результаты для производных корня *pand-* в Ригведе в виде таблицы.

Форма <i>pand-</i>	Соотнесение	Связь		Субъект процесса	Объект процесса
		Действие	Феномен		
nAndya	pRkSa	vah-	anuvrata suprAvya	azvinau	jana
nAndya	muda	car-	yuyayaH	jAta	apiSThita

		tsar- mRz-	uzatI		
Ananda	srava modA muda pramuda kAmA	jan- sad-	brahman soma inda amRta	kAma	aham indra
nandanti	—	—	gata sakhya kilbiSaspRt pituSaNi	sakhAya	sakhya

Таким образом, все ригведийские упоминания слов с корнем *nand-*:

- связаны с ритуалом жертвоприношения сомы;
- являются эффектом, возникающим в ходе совершения жертвоприношения сомы; этот эффект возникает во время соединения жертвенной сомы и других ритуальных действий жрецов, в том числе брахмана.

В связи с тем, что связь слов с корнем *nand-* с брахманом можно считать установленной, отметим, что некоторые исследователи усматривали эту связь и во фрагменте RV VII 103,1+7-8. Эта позиция основывается на том, что возможно соответствие между *nandaka* и *maNDUka* [см., 3, p.317]:

RV VII 103,1+7-8 (*maitrAvaruNiRvasiSTha RSiH*)
saMvatsaraM zazayAnA brAhmaNA vratacAriNaH |
vAcam parjanyaajinvitAm pra maNDUka avAdiSuH ||
brAhmaNaso atirAtre na some saro na pUrNam abhito vadantaH |
saMvatsarasya tad ahaH pari STha yan maNDUkaH prAvRSINam babhUva ||
brAhmaNasaH somino vAcam akrata brahma kRNvantaH parivatsarINam |
adhvaryavo gharmiNaH siSvidAnA Avir bhavanti guhyA na ke cit ||

В течение года пролежавшие брахманы, следующие обрядам; речь Парджаньей оживленные лягушки заговорили. Брахманы в ночи словно, у сомы, пруда будто наполненного возле, говорящие; каждого года когда в день, накануне, что [те] лягушки сезона дождей, когда [тот] наступил. Брахманы-сомодельи речь содеяли вы, брахман создающие годовой, адхварью-нагреватели взмокшие заметными становятся, скрытыми – никто же.

Несмотря на высказанные сторонниками этой точки зрения соображения, нам прямое соответствие *nandaka* и *maNDUka* не представляется очевидным, по крайней мере, на материале Ригведы (см., например, комментарий к этому фрагменту Саяны, очевидно сопоставляющий действия брахманов и лягушек: *yathAtirAtrAkhye somayAge brAhmaNaso brAhmaNA rAtrau stutazastrANi paryAyeNa zaMsaMti he maNDUkaH* [11, т. 3, с.293]). Тем не менее, связь с брахманами и ритуалом сомы указывает, на наш взгляд, не только на понимание ригведийского *Ananda* как эмоционально-чувственного удовольствия (хоть это и следует из классических комментаторов, как показано выше).

Как уже не раз указывалось, в т. ч. и нами [12], ригведийский брахман может быть определен следующим образом.

1. В раннеригведийский период под *brahmán* в социальном аспекте понимался тот, кто участвовал вместе с другими жрецами в ритуале жертвоприношения сомы, давил сому, создавал и исполнял гимны богам, оказывавшие на последних укрепляющее действие, являлся ответственным за доставку жертвы по назначению и владел особым видением и священной речью, с помощью которой совершал космогонические деяния; брахманы были ответственны за защиту рода ариев на космическом уровне и их «включение» в космический порядок; брахман, наряду с царем, имел особый социальный статус.

2. В среднеригведийский период *brahmán* называли того, кто участвовал в ритуале жертвоприношения сомы, давил и пил священный напиток, и сам считался частью этого жертвоприношения, обладал недоступными другим знаниями священной речи, представлявшей собой некое мысленно-вербально-ритмическое образование, с помощью которого, в частности, запрягалась специальная колесница Индры; отвечал

за «доставку» жертвы, приготовленной другим жрецом (жрецами), по назначению (богам); брахман, наряду с царем, имел особый социальный статус.

3. В позднеригведийский период *brahmān* назывался тот, сидел на особом месте во время жертвоприношения, которое вместе с ним совершали другие жрецы, брахман пил сому и поедал жертвенную пищу, осуществлял словесное сопровождение жертвы вместе с другими жрецами, считался связующим звеном всех компонентов жертвоприношения, обладал недоступными другим мысленно-чувственными способностями, священными знаниями, делившимися на прежние и современные, и речью.

Таким образом, применительно к *Ananda*, речь, очевидно, может идти о существенном элементе материальной составляющей жертвоприношения (т. е. сомы), а именно порождаемом сомой особом состоянии, означающем искомую при жертвоприношении связь между богами и жрецами.

Примечательно, что даже не связанная канонической линией с Ригведой Мундака упанишада (относящаяся к Атхарваведе) вполне может считаться продолжением (приложением) такого понимания *Ananda*.

muNDaka II 2,7-8

yaH sarvajJaH sarvavidyasya eSaH mahimA bhuvi divye brahmapure hi eSaH vyomni AtmA pratiSThitaH | manomayaH prANazarIranetA pratiSThitaH anne hRdayam sannidhAya tat vijJAnena paripazyanti dhIrAH AnandarUpam amRtam yat vibhAti || [13, p.145]

Который всезнающий, ведающий обо всём, этот – величие среди сущего в светлом городе брахмана ведь этот, в небесах атман установленный. Удовольствие ума, дыхание тела направленное, установленный в пище, в сердце водруженный этот познанием обозревают мудрые блаженства образ бессмертный, который сияет.

Следовательно, применительно к *Ananda*, можно, очевидно, говорить, во-первых, о преемственности частного случая применения ригведийского ритуала в отношении процедуры и содержания механизма «присоединения» участника действия к космическому процессу бытия; во-вторых, определить *Ananda* как признак этого присоединения и в ранний период традиции (Ригведа), и в период становления веданты (Мундака-упанишада).

Библиографические ссылки:

1. Grassmann, H. Wörterbuch zum Rig-Veda. Delhi: MBLD, 1999. - 1782 S.
2. Monier-Williams, M. Sanskrit-English Dictionary. London: Oxford University Press, 1960. – 1333 p.
3. Gonda, J. The meaning of Skt. NAND- // Selected Studies: 6 vol. Leiden: Brill, 1975-1991. Vol. 2. P. 310-319.
4. Burrow, T. Loanwords in Sanskrit // Transactions of the Philological Society. Vol. 45. 1946. London: David Nutt (A.G. Berry), 1947. P. 1-30.
5. Burrow, T. A New Look at Brugmann's Law // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 38. No. 1. University of London, 1975. P. 55-80.
6. Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern: A. Francke AG Verlag, 1959. 1183 S.
7. Mayrhofer, M. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1 – 4. Heidelberg: Carl Winter, 1956-1980. – 4 Bd.
8. Mayrhofer, M. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg: Carl Winter, 1992. 2001. 3 Bd.
9. Rgveda SaMhitA: 13 vol. / Eng. transl. by Svami Satya Prakash Sarasvati, Satyakam Vidyalkar. - New Delhi : Veda Pratishthana, 1977-1995. 13 vol.
10. Rig-Veda-saMhitA. The Sacred Hymns of the Brahmins together with the Commentary of sAyaNAchArya: 4 vol. / ed. F. Max Müller. London: Oxford University Press, 1890-1892. 4 vol.
11. Talageri, S. The Rigveda. A Historical Analysis. New Delhi: Aditya Prakashan, 2000. 544 p.
12. Perzashkevich, O. Rgvedic BrAhmaNas. Social status // Vedic Heritage for Global Harmony and Peace in Modern Context. New Delhi, D. K. Printworld, 2012. P.683-694.

13. Isa, Kena & Mundaka Upanishads and Sri Sankara's Commentary / tr. Into English by S. Sitarma Sastri. – Madras: G.A. Natesan & Co., 1905. – 180 p.

УДК 930.23

РАБСТВО И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ

Д.С. Самохвалов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; dzsarea.com@tut.by*

Рабство и крепостное право рассматриваются как исторические конструкции, основанные на теоретическом обобщении. Потеря понимания их условности привела к искажению представлений о крепостном праве в Российской империи первой половины XIX века.

Ключевые слова: рабство; крепостное право; историография; марксизм.

РАБСТВА И ПРЫГОННАЕ ПРАВА: ДА ПРАБЛЕМЫ ГІСТАРЫЧНАЙ КАНСТРУКЦЫІ

Д.С. Самахвалаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці 4, 220030, Мінск, Беларусь; dzsarea.com@tut.by*

Рабства і прыгоннае права разглядаюцца як гістарычныя канструкцыі, заснаваныя на тэарэтычным абагульненні. Страта разумення іх умоўнасці стала прычынай скажэння ўяўленняў пра прыгоннае права ў Расійскай імперыі першай паловы XIX стагоддзя.

Ключавыя словы: рабства, прыгоннае права, гістарыяграфія, марксізм.

SLAVERY AND CORVÉE RESTRAINT: PROBLEMS OF HISTORICAL CONSTRUCTING

D. Samakhvalau

Belarusian State University, 4 Niezaležnaści Ave, 220030, Minsk, Belarus; dzsarea.com@tut.by

Slavery and corvée restraint are two historical constructs that are used regarding the Russian Empire of the first half of the 19th century. Misunderstanding of their conventions is the reason of misrepresentation of real status of the Russian serfs.

Key words: slavery; corvée; Historiography; Marxism.

Целью работ историков является реконструкция, а не конструирование прошлого. Тем не менее, они целиком не избавлены от конструкций, представляющих собой продукты мыслительной деятельности самих историков либо заимствования из трудов представителей других наук. Эти конструкции возникают в ходе применения обобщения, прогнозирования, моделирования и других методов научного исследования. Их использование выглядит разумным и неизбежным. Оно отражает определенное понимание исторических событий, подчеркивает своеобразие тех или иных концепций. Однако в долгосрочной перспективе обращение к конструкциям вместо описания конкретных явлений ведет к манипулированию фактами и искажению исторической реальности. Примером тому являются понятия «рабство» и «крепостное право».

Термин «рабство» применяется в европейской философии и науке по отношению к явлению принудительной эксплуатации со времен античности, а потому многим историкам кажется устоявшимся. Первая попытка юридического определения рабства была предпринята в 1926 г. в связи с появлением «Конвенции о рабстве», составленной Лигой Наций [11, с. 36]. В качестве его главной отличительной черты указывалось положение подневольного как собственности. В последней четверти XX в. в социально-гуманитарных исследованиях предпринимались попытки уточнения определения, однако их вряд ли стоит считать успешными. Например, социолог О.